

Культура. 2001. 31 мая. Выпуск 7

Продолжение диалога

Вечер памяти Олега Ефремова во МХАТе имени Чехова

Фото М. ГИРМАНА

А.Смелянский презентует книгу о Ефреове

Кама Гинкас на этот вечер опоздал. Еще находясь в фойе, он вдруг услышал живой, бодрый и азартный голос Ефремова, доносящийся из зрительного зала. И, как признался потом, испытал внезапную и такую желанную аберрацию сознания: Ефремов – в зале, а значит – все нормально, театр жив. Но, выйдя на сцену, вернувшись в реальность, Гинкас сказал другое: "Мы осиротели". И теперь нужно на свои плечи взваливать то, что долгие десятилетия держал Ефремов: неподъемную машину "театрального строительства". Как спокойно, как уверенно можно было творить внутри этого большого "дома", быть может, немножко эгоистично, на себя, – и иметь успех, порою даже больший, чем у самого Ефремова. Чи плечи теперь способны выдерживать такую ношу? "Я не взялся бы", – честно признался Гинкас. А кто сможет?

И дело даже не столько в самом МХАТе, который сегодня обрел нового хозяина – Олега Табакова – и, вероятно, станет совсем другим театром. Так выжил когда-то Современник, покинутый Ефремовым, оставаясь до сегодняшнего дня одним из самых популярных коллективов Москвы. Ефремов был не просто актером, режиссером, руководителем того или иного театра. Он, по словам Марка Захарова, "сдвинул всю театральную Россию, породив множество цепных реакций, сумел переломить ход театрального процесса в масштабах великого государства". Вечно увлекающийся Марк Анатольевич вдруг признал в Ефреове "посланца свыше", возведя его в ранг пророка наряду со Станиславским и Вахтанговым.

Эта аберрация сознания, кстати,

случалась, наверное, с каждым. А мхатовский зал был забит до отказа теми, кого принято называть "цветом" российской культуры, – О.Табаков и С.Юрский, М.Ульянов и Г.Хазанов, М.Рощин и А.Гельман, И.Соловьева и Т.Чхеидзе, Л.Максимова и Э.Быстрицкая и много-много других. Нет в российском театре последних пятидесяти лет человека, который так или иначе не был бы связан с Ефремовым, не ощущал бы его магнетического притяжения, его "биологической заразительности", как сказал тот же Захаров. Мне и самой как журналисту еще лет 15 назад открылась любопытная вещь – в любом из нескольких десятков взятых с той поры интервью у самых разных людей, не связанных ни с Современником, ни с МХАТом, ни с самим Олегом Николаевичем, людей порой из совершенно "другой оперы", всегда звучала фамилия Ефремова. В разных контекстах, но это была неписаная и невиданная закономерность. Никогда и ни с кем другим такого не повторялось.

Но вернемся в мхатовский зал, где собрались люди, ровно год назад осиротевшие без Ефремова. Быть может, это парадоксально, но вечер памяти не угнетал скорбно-поминальной интонацией. Потому что его главным героем и его главным "участником" был сам Олег Николаевич. Под звуки знаменитого марша из "Трех сестер", на фоне "весенних" декораций из одноименного спектакля, поставленного Ефремовым, поднялся большой экран – и пошла запись основательного, серьезного и остроумного одновременно, "эксклюзивного" интервью Ефремова, данного Анатолию Смелянскому накануне столетия Художественного театра. Ефремов ин-

тервью, конечно, давал, но дело это не любил, а потому услышать его эмоциональный, откровенный, порой резкий и саркастический рассказ было настоящим подарком судьбы. Последним подарком... Он говорил о многом – о своем поступлении в Школу-студию МХАТа, трезво и остро анализировал состояние первого театра страны накануне своего туда прихода, размышлял о чеховских героях и новых русских, с едкой иронией "раздевал" очередных патриотов и пытался напоследок зафиксировать мимолетность своих ощущений от жизни и театра.

Но устроители вечера одним интервью, конечно, не ограничились. Недаром это действо имело название "Продолжение диалога". Пленка то и дело останавливалась, словно бы Ефремов приглашал кого-то к дискуссии, к собственным размышлениям. Диалог получался непрямым, несвязанным, но искренне эмоциональным. И было в этих "ответах", по словам Лилии Толмачевой, не "пять пудов любви", а целое "опрокинутое море". В словах каждого выходившего на сцену сквозила одна тема: "Мой Ефремов". Разный, непредсказуемый, жестокий и умеющий прощать, поддержать, одинокий и окруженный людьми. Его называли "идеалистом" и "последним романтиком" – и это правда при всей кажущейся жесткости и вечной "социальной направленности". Вспоминались непременные байки "застольного" содержания и непростые человеческие взаимоотношения. И пела Тамара Гвердцители, от ностальгического "Опустела без тебя земля..." на глаза многих наворачивались слезы. И читали стихи Ия Саввина, Сергей Юрский, Александр Арсентьев, один из последних учеников Ефремова. Было пока еще не проходящее ощущение, что Ефремов где-то рядом. Хотя... "Скучно без Олега", – грустно сказал Михаил Ульянов.

А еще в этот день в чеховском МХАТе открылось мемориальное ефремовское фойе – фотографии, костюмы, макеты декораций... Есть теперь и мемориальная гримбузная рядом с таким же "мемориалом" Станиславского и кабинетом Немировича-Данченко. Прошла презентация книги, подготовленной Научной библиотекой СТД России, "Олег Ефремов. Библиография". А каждому зрителю подарили несколько книг и буклет к гастрольной поездке МХАТа со спектаклем "Дядя Ваня", который игрался в конце мая 2000 года, – первым спектаклем без Ефремова...

Ирина АЛПАТОВА